

УДК 343.13

КОМПАРАТИВИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С. Д. Шестакова

Санкт-Петербургский университет МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса,
доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются роль и значение сравнительно-правовых исследований в области уголовного процесса, дается оценка их главным достижениям, излагается авторское видение их перспективных направлений, основным из которых определяется достижение гармоничного сочетания цели доказывания, состава суда и критериев допустимости доказательств.

Ключевые слова: сравнительно-правовые исследования, процессуальная доктрина, наука, уголовный процесс, доказательства, доказывание.

Annotation. In the article the role and significance of the comparative studies on the field of the criminal procedure are analyzed. The evaluation of their achievements is done. The author's view of their perspective is proposed which is the harmonious combination of the goal of the proving process, the composition of the court and the criteria of the admissibility of the evidence.

Keywords: comparative studies, criminal procedure doctrine, criminal process, evidence, proof.

Сравнительное правоведение (компаративистика — от лат. *comparativus* — сравнительный) всегда было и остается мощным инструментом в руках научного познания в юридической сфере.

Не является исключением процессуальная наука, современное развитие которой невозможно представить без исследований зарубежных процессуальных доктрин и систем уголовно-процессуального права иностранных государств, обмена опытом на международном уровне.

Такие исследования позволили распознать и во многом изучить имеющийся мировые масштабы процесс гармонизации систем уголовного судопроизводства в государствах, относящихся к семьям общего и континентального права, долгое время противопоставляемых друг другу, а также процессы их конвергенции и дивергенции. Это нашло отражение в докторских диссертациях А. В. Смирнова «Типология уголовного судопроизводства» (2001), С. Д. Шестаковой «Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем: теоретико-правовое исследование» (2004),

Н. Г. Стойко «Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем» (2009) и кандидатских диссертациях Е. М. Сорокиной «Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском Союзе» (2010), М. С. Кесаевой «Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам» (2017).

Гармонизация уголовного процесса различных государств как явление обретения взаимного соответствия и сглаживания различий происходит главным образом под влиянием международного права. Реализация норм международных соглашений государствами — их участниками — создает эффект не механического единообразия, а именно юридической гармонии процессуальных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов в каждом из них. Так, гармонизация уголовно-процессуального права не может не захватить постсоветские государства, объединенные общим советским прошлым и международной правовой основой будущего их правовых систем (Минская конвенция, Кишиневская конвенция, Модельные уголовный и уголовно-процессуальные кодексы государств — участников СНГ). Государства — участники Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года — члены Совета Европы, исполняя решения Страсбургского Суда по результатам рассмотрения жалоб на нарушения конвенции, волей-неволей приводят нормы национального уголовно-процессуального права в соответствие с данным международным актом. В результате сглаживаются коренные различия между англосаксонским и романо-германским уголовным процессом, например, в последний имплементируется родом из первого право обвиняемого на конфронтацию со свидетелями обвинения, если не исключаящее, то существенно ограничивающее широко распространенное в ряде стран континентальной Европы использование показаний анонимных свидетелей. И наоборот, повышается значение нормативно-правовых актов как источников уголовно-процессуального права Великобритании, среди которых, как известно, исконно превалирует судебный прецедент.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, хотя и утратила значение источника российского уголовно-процессуального права, существенно повлияла на развитие сравнительных исследований в отечественной процессуальной теории, а также национального законодательства. Многие положения Конвенции и решений Страсбургского Суда нашли отражение в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что свидетельствует о добросовестном исполнении Россией своих международных обязательств.

При этом на фоне прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, связанного со специальной военной операцией на Украине, заостряется вопрос, почему в постсоветский период Европейская конвенция о правах человека и практика Страсбургского Суда превалировали в качестве лейтмотива или контекста сравнительно-правовых исследований в сфере уголовного процесса? Во-первых, из-за возникшего с крахом советской власти научным и правовым вакуумом, который заполнила пресловутая концепция прав человека, а во-вторых, потому что так проще. Делать, творить ничего не нужно — всего лишь изучить зарубежный опыт, оправдать его соответствием принципам правового государства и предложить перенять. Таким образом, европейская концепция прав человека стала своего рода тормозом инициативности и самобытности в развитии российской процессуальной теории и практики.

Вместе с тем в юридико-техническом плане распространение на Российскую Федерацию юрисдикции Страсбургского Суда оказалось правовым стимулом восприятия российским законодательством важных положений в сфере уголовного процесса сохраняющего свою силу для нашего государства Международного пакта о правах человека (аналогичных закрепленным в Европейской Конвенции) — как гласит старинная русская пословица, нет худа без добра.

Естественно, ныне возникает вопрос о надгосударственном судопроизводственном органе, эффективно обеспечивающем исполнение норм международного права. Профессором Д. А. Шестаковым, к примеру, выдвинута идея создания Евразийского судоустройства [1].

При этом развитие международных отношений на современном этапе как основной фактор смещения центра тяжести с копирования изученного зарубежного опыта на продуцирование и реализацию самобытных форм прогресса в сфере уголовного судопроизводства для будущего компаративистики в российской процессуальной науке является главным позитивным моментом.

Взять хотя бы российский институт снисхождения при производстве в суде присяжных, предусмотренный еще дореволюционным законодательством, позволяющий юридически тонко сочетать, казалось бы, малосовместимые справедливость и милосердие. В современном уголовном процессе данный институт существует в зачаточном, но весьма привлекательном виде, ожидая своего нравственно-правового развития, в частности, в ходе и с помощью сравнительно-правовых исследований. Обращает на себя внимание и авторская Концепция возрождения института следственных судей профессора А. В. Смирнова — не по вошедшему в свое время в моду, навязанному Западом, образцу *examining judge*, а в соответствии с отечественной традицией [2].

Если говорить об основных результатах компаративных исследований в области уголовно-процессуального права государств романо-германской и

англосаксонской правовых семей, то прежде всего следует выделить, рождение истины в споре об истине и концепцию «ключей к замку уголовно-процессуальной гармонии».

Дискуссия об истине как цели доказывания по уголовным делам является фундаментальной в отечественной процессуальной науке. Эта дискуссия стала особенно актуальной с взятым в 90-х годах прошлого столетия российским законодателем курсом на развитие состязательности уголовного процесса и обострилась в связи с введением в него несовместимых с материальной истиной как целью доказывания сделок с правосудием.

Рождению истины в споре об истине как цели доказывания может помочь осознание кардинальных различий в преобладающих философских, а именно, гносеологических воззрениях в странах общего и континентального права на ее познаваемость в принципе. Представители англосаксонской правовой семьи исходят из непознаваемости человеческим разумом объективной (материальной) истины. Вот почему в их уголовном процессе целью доказывания поставлена менее ценная по существу, но по их представлениям реально достижимая субъектом познания формальная (интерпретированная) истина [3, с. 147].

Суть Концепции ключа или кода к замку процессуальной гармонии, разработанной нами в результате комплекса проведенных сравнительно-правовых исследований, заключается в достижении последней за счет *сочетания* законодателем *по своей природе сочетаемых* (взаимосвязанных и взаимообусловленных) компонентов. Первый — это истина как цель доказывания — объективная (материальная) или формальная (интерпретированная). Второй — состав суда: суд профессионалов или суд шеффенов (без деления на судей факта и судей права) и суд присяжных (с делением на судей факта и судей права). Третий — критерии допустимости доказательств.

Объективная (материальная) истина как цель доказывания не может сочетаться с классическим судом присяжных, где судьи факта пассивно участвуют в исследовании доказательств, не полномочны задавать вопросы свидетелям, а свой вердикт не мотивируют, а стало быть, вышестоящий суд не может проверить его обоснованность — в этом специфика данной формы правосудия. По этой же причине ключевым моментом для рассмотрения дела судом присяжных является гарантия от возникновения предубеждения у судей факта, поэтому доказательства, способные его вызвать тем или иным образом, должны признаваться недопустимыми. Отсюда следует, что свойство допустимости доказательств в суде присяжных должно связываться в первую очередь с их содержанием, а не с соблюдением процессуальной формы при их получении. Принцип производства в суде, состоящем исключительно из судей-профессионалов, либо в суде шеффенов (включающем представителей народа,

не умудренных правовыми знаниями, например, германский вариант или суд с участием народных заседателей по законодательству СССР) позволяет судьям познать материальную истину. Приговор здесь обосновывается с помощью анализа доказательств и может быть отменен вышестоящим судом за несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Именно эта возможность проверки обоснованности приговора нивелирует опасность эффекта предубеждения судей и, следовательно, наполняет допустимость как свойство доказательств иным содержанием, нежели в суде присяжных.

Таким образом, первый код к замку от процессуальной гармонии — это объективная (материальная) истина как цель доказывания в сочетании с судом, состоящим исключительно из судей-профессионалов, либо судом шеффенов, и связанностью свойства допустимости доказательств с соблюдением процессуальной формы при их получении. Второй код — сочетание формальной (интерпретированной) истины как цели доказывания, суда присяжных и не влекущего эффекта предубеждения у присяжных содержания доказательств как критерия их допустимости.

Итак, компаративистика имеет существенное значение для развития национальной процессуальной науки, а именно:

- позволяет выйти за границы отечественных теорий и законодательства и оценить их взглядом извне;
- расширяет научный кругозор за счет знакомства с плюрализмом процессуальных доктрин;
- предоставляет возможность узнать и оценить вариативность концептуальных подходов к решению той или иной научной проблемы.

Перспективным направлением компаративистики в сфере уголовно-процессуального права с обнадеживающими предпосылками реализации отечественного потенциала видится осознание способов достижения гармонии между целью доказывания, составом суда и критериями допустимости доказательств.

1. Шестаков Д. А. Преступное вмешательство в государственный суверенитет и правовые рычаги противодействия ему [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. URL: <http://www.criminologyclub.ru/letopis/37-207-html> (дата обращения: 17.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Смирнов А. В. Концепция «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [Электронный ресурс] // Прецеденты и позиции. 2015. Вып. № 4. URL: <http://www.president-sovet.ru/files/ba/a8/baa8b5bfaf864cee750ff5f2fdf5a145.pdf> (дата обращения: 17.03.2024). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

3. Grande E. Dances of Criminal Justice: Thoughts on Systemic Differences and the Search for the Truth // Crime, Procedure and Evidence in a Comparative and International Context: Essays in Honour of Professor Mirjan Damaska / Edited by J. Jackson, M. Langer, P. Tillers. Oxford and Portland, Oregon, 2008. [Вернуться к статье](#)